

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

УДК 340.111.5(470+571)

**ДОМАКОВ ВЯЧЕСЛАВ ВЕНИАМИНОВИЧ,
МАТВЕЕВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ,
МАТВЕЕВ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ**

СОВРЕМЕННЫЙ РАДИКАЛИЗМ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ И НЕОБХОДИМОСТЬ УСТРАНЕНИЯ ЕГО МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ОСНОВ

АННОТАЦИЯ

Состояние вопроса: Одним из самых опасных явлений современности признается терроризм, в основе которого сегодня лежит основанное на «страхе, ужасе» запугивание и убийство ни в чем не повинных людей, используемое для достижения определенными лицами или группами лиц поставленной цели. Если под целью понимать «конечное желание, стремление, намерение, чего кто силится достигнуть», то становится понятным, что террористические акты никогда не совершаются случайно или по ошибке, а, значит, преднамеренное, осознанное уничтожение ни в чем не повинных людей при терактах ни за что и никогда не сможет оправдать терроризм.

Основным методом борьбы с терроризмом стало применение силы и, прежде всего, военной, а потому терроризм рассматривают как специфическую форму боевых действий, особенностью которой является то, что террористы являются обычными гражданами своей страны. С учетом этого государства на договорной основе объединяют свои силовые институты для обеспечения полной победы над этим негативным явлением. Однако практика показала, что силовые методы могут в лучшем случае лишь частично снизить количество террористических актов, но никак не могут в принципе устранить терроризм.

Результаты: Исторически терроризм использовался и предприимчивой частью общества, и обеспечивающими ее интересы «специальными организациями» («государством», «реформированием в рамках государства» и «глобализацией»), и радикальными представителями общества. Это показывает, что терроризм не есть нечто беспричинное или нечто коренящееся в каких-то дефектах человеческой биологической природы. Терроризм превратился в «специфический» способ борьбы за власть, завоевание которой, по мнению террористов, может помочь изменить ситуацию в обществе, а потому его вполне можно считать «одной из частных и искаженных форм проявления многоаспектной классовой борьбы». Поэтому совершенно естественно рассмотреть причины его возникновения и его сущность именно с классовой позиции.

Было установлено, что основу всех социальных конфликтов и их крайнего выражения – терроризма составляет их единое материально-правовое начало, которое по настоящее время по разным хрематистическим схемам реализуется усилиями «специальных организаций» общества. Ситуация усугубляется еще и тем, что ученые правоведы, работая по найму в интересах предприимчивой части общества, умышленно изменяют общепринятое понимание различных терминов и дают им специфическую правовую трактовку, отличную от их общепринятого понимания, при этом сама власть в нарушении принципа законности отдельные статьи нормативно-правовых актов почему-то не исполняет.

Причины терроризма следует искать в отторжении общества и каждого его члена, которые являются фактическими собственниками достояния страны, от объектов собственности, находящихся на территории их проживания. Поэтому переход в России на основе ст. 244 ГК РФ от «трехслойного пирога» из форм собственности к публичной собственности, в рамках которой каждый гражданин превращается в сособственника народного достояния без выделения его доли, в полной мере может устранить материально-правовые основы терроризма. Именно это может создать материальную основу для единения граждан, придать ему целостные черты, превратив чеченца в сособственника, например, якутских алмазов, жителя Москвы – в сособственника богатейшей грозненской нефти, жителя Санкт-Петербурга – в сособственника природных богатств Крыма и т. д., и т. п., которая примет правовой характер, когда станет обязательной для всех граждан РФ во времени, в пространстве и по кругу лиц.

Такой подход позволит обществу в целом и каждому его сособственнику без выделения его доли владеть, т. е. обладать, пользоваться, т. е. извлекать полезные свойства из объектов собственности, и распоряжаться (управлять) ими, т. е. создавать условия для извлечения максимально полезных свойств из объектов собственности, при этом социальные институты «специальных организаций» общества смогут только пользоваться и распоряжаться (управлять) ими в интересах и общества, и его предприимчивой части, но не «владеть» ими. В этих условиях террористические методы теряют свой смысл, поскольку невыделенная доля любого гражданина будет обеспечивать каждому достойную жизнь.

Область применения результатов: Любая страна, где наряду с частной собственностью используется государственная или иные формы собственности.

Выводы: Проблема терроризма может быть успешно и бескровно разрешена путем введения на основе действующего законодательства и практического использования публичной собственности, которая внешне связана с правом общества

владеть, пользоваться и управлять (распоряжаться) ее объектами в целом, исключаящим по этой причине возможность для всех других владеть, пользоваться и распоряжаться этими объектами, а внутренне – с правом каждого гражданина владеть, пользоваться и управлять (распоряжаться) ее объектами без выделения его доли.

Ключевые слова: терроризм; радикализм; классовая борьба; социальный конфликт; собственники; несобственники; формы собственности; публичная собственность.

DOMAKOV V. V.,
MATVEEV A. V.,
MATVEEV V. V.

MODERN RADICALISM CLASS STRUGGLE AND THE NEED TO ADDRESS ITS MATERIAL AND LEGAL FOUNDATIONS

ABSTRACT

State of matter: One of the most dangerous phenomena of our time admits to terrorism, which today is based on «fear, horror» intimidation and murder of innocent people used to reach certain individuals or groups of individuals goals. If the goal is to understand «the ultimate desire, the desire, the intention, what someone tries to achieve», it becomes clear that terrorist acts never occur accidentally or by mistake, and, therefore, intentional, deliberate destruction of innocent people in bomb attacks for no reason and can never justify terrorism.

The main method of fighting terrorism was the use of force and, above all, the military, and because terrorism is considered as a specific form of fighting, which is that terrorists are ordinary citizens of their country. Given this state on a contractual basis to join their law-enforcement institutions to ensure complete victory over this scourge. However, experience has shown that force can at best only partially reduce the number of terrorist acts, but I can't, in principle, to eliminate terrorism.

Results: Historically, terrorism has been used and enterprising part of the society, and ensuring its interests are «special organizovannosti» («government», «reform within the state» and «globalization»), and radical members of society. This shows that terrorism is not something unreasonable or something that is rooted in some defect of human nature. Terrorism has become a «special» method of struggle for power, the conquest of which, according to terrorists, can help make a difference in society, and therefore it can be considered «one of the private and distorted forms of a multidimensional class struggle». It is therefore natural to consider its causes and its merits with the class position.

It was established that the basis of all social conflicts and their extreme expressions – terrorism is their common substantive beginning, which present different chrematistics schemes is implemented by «special organizovannosti» companies. The situation is exacerbated by the fact that scientists, legal scholars, employment in the interests of the enterprising part of society, deliberately changing the conventional understanding of terms and give them specific legal interpretation different from their common understanding, while the government itself is in violation of the principle of the legality of individual articles of normative legal acts somehow does not comply.

The causes of terrorism should be sought in the rejection of the society and each of its members, who are the actual owners of the heritage of the country, from objects of ownership, located on the territory of their residence. Therefore, the transition in Russia on the basis of article 244 of the civil code from the «three layer cake» of the forms of ownership to public ownership, under which each citizen becomes a co-owner of the national heritage without allocation of its share fully to remove the substantive underpinnings of terrorism. This can provide a material basis for unity of the citizens, to give it a holistic traits, turning the Chechens to the owner, for example, the Yakut diamonds, a resident of Moscow – co-owner rich Grozny oil, a resident of St. Petersburg-in co-owner of natural resources of the Crimea, etc., etc., which will take a legal nature, when it will become mandatory for all citizens of the Russian Federation in time, in space and number of persons.

This approach will allow society as a whole and each owner without a release of its own shares, i.e. to possess, use, i.e., to extract useful properties from the objects of property, and to dispose (manage) them, i.e. to create the conditions to maximize the beneficial properties of the objects of ownership, with social institutions «special organizovannosti» companies will only be able to use and manage (control) their interests and of society, and his enterprising but not «own» them. In these circumstances, the terrorist methods lose their meaning, since the Unallocated share of any citizen is to provide everyone a decent life.

The scope of results: Any country, where, along with private property used by governmental or other forms of ownership.

Conclusions: The problem of terrorism can be successfully and bloodlessly resolved by the introduction on the basis of current legislation and practical use of public property, which is apparently connected with the right companies to own, use and manage (dispose of) its objects as a whole, excluding for this reason the opportunity for all others to possess, use and dispose of these objects, and internally – with the right of every citizen to own, use and manage (dispose of) its objects without allocation of its share.

Keywords: terrorism; radicalism; the class struggle; social conflict; the owners; not owners; forms of ownership; public property.

Одним из самых опасных явлений современности признается терроризм, используемый для достижения радикалами – «сторонниками крайних, решительных действий, взглядов» [30, С. 516] поставленной перед собой цели. Практика показывает, что террористические акты никогда не совершаются случайно или по ошибке, а, зна-

чит, преднамеренное, осознанное уничтожение при терактах ни в чем не повинных людей ни за что и никогда не сможет оправдать терроризм. Стремясь такими «специфическими» способами борьбы изменить ситуацию в обществе, терроризм превращается в искаженную форму классовой борьбы. Поэтому совершенно естественно

рассмотреть причины его возникновения и его существование именно с классовой позиции.

Действительно, реализуемый уже более 2500 лет способ обеспечения жизнедеятельности общества через обогащение его предприимчивой части в предположении, что как только она обогатится, то сразу же наступит всеобщее благоденствие, естественным образом имел в своей основе деление на весьма ограниченное количество собственников и большинство несобственников. На различных исторических этапах в качестве предприимчивой части общества выступали фактические собственники: рабовладельцы, феодалы, капиталисты, господствующий партийно-бюрократический аппарат социалистических государств, применительно к России конца XX в. – первой половины XXI в. – российские капиталисты и властвующая бюрократия, а в качестве фактических несобственников – соответственно рабы, крепостные крестьяне и наемные работники. Указанные собственники эксплуатировали несобственников, а потому они имели диаметрально противоположные (антагонистические) интересы, которые составляли существование всех классовых обществ.

Так, в рамках рабовладельческого общества предприимчивые рабовладельцы, у которых в качестве объектов собственности выступала земля, средства производства и рабочая сила – рабы, получали за счет эксплуатации рабов излишний прибавочный продукт, составлявший порядка 70% внутреннего валового продукта (ВВП) и значительно превышающий их необходимые потребности, а для рабов этот уровень составлял порядка 30% ВВП и полностью обеспечивал получение максимально возможной для тех условий прибыли рабовладельцами и восстановление рабочей силы рабов. Сущностью рабовладельческого строя являлось то, что в нем в качестве объекта собственности были рабы, которых надо было кормить, поить, одевать и заставлять работать на эксплуататоров [18, С. 150-152].

При феодализме предприимчивые феодалы, у которых в качестве объектов собственности выступала уже земля и средства производства, гениально создали класс «неполных собственников» – крепостных крестьян, получивших от них наделы земли для прокорма и своего полного

обеспечения. Это позволило довести избыточный уровень жизнедеятельности феодалов до 80% ВВП и поддерживать жизненные потребности крепостных крестьян посредством их личного хозяйства на уровне порядка 20% ВВП, достаточного для извлечения из них в этих условиях максимальной прибыли их восстановления их рабочей силы. Сущностью феодального строя стало то, что в нем имелись работники, которые кормили, поили, одевали себя сами, но их все-таки надо было заставлять работать на феодалов [18, С. 152-158].

Пришедший на смену феодализму капиталистический строй охарактеризовался созданием предприимчивыми капиталистами, ставшими владельцами земли и средств производства, новых условий для эксплуатации, в основу которой гениально была положена идея отторжения наемных работников от собственности на землю и средства производства и личной материальной заинтересованности работников только в своем труде. Теперь наемный работник мог обеспечить свое существование, продавая капиталисту свое умение трудиться. Такая эксплуатация отторгнутых от объектов собственности наемных работников в развитых капиталистических государствах обеспечила получение максимально возможной прибыли капиталистами, избыточный уровень жизнедеятельности которых стал составлять порядка 87% ВВП, а уровень жизнедеятельности наемных рабочих в таких условиях стал составлять порядка 13% ВВП. Сущностью капиталистического строя было то, что в ней работники сами приходили в рабство, сами себя кормили, поили, одевали и сами себя заставляли работать на эксплуататора [18, С. 158-163].

Возникшее противоречие между общественным характером производства и капиталистическим способом присвоения его результатов стало причиной перехода к социалистическому (коммунистическому) строю. Его основу должна была составить уже общенародная собственность на землю и средства производства, которая полностью лишала капиталистов господства и по этой причине должна была вообще исключить эксплуатацию человека человеком. Однако де-факто собственником земли и средств производства стало выступать от имени общества

социалистическое государство, которое усилиями новой предприимчивой части общества – партийно-бюрократического аппарата закрепило за собой право собственника и от имени народа стало осуществлять присвоение результатов общественного производства. Эти результаты, полученные в исключительно тяжелых условиях хозяйствования советского времени, использовались для обеспечения избыточной жизнедеятельности партийно-бюрократического аппарата, первые адепты которого в целом были бессеребрянниками, для развития народного хозяйства страны, создания и укрепления Красной Армии, Военно-Морского Флота, а затем и Вооруженных Сил, помощи народам, борющимся за свою независимость и т. п., в том числе и для решения социальных вопросов своего народа, о чем до сих пор с ностальгией вспоминают пожилые люди. Для этого множество предприимчивых капиталистов было гениально заменено фактически единым монополистом – партийно-бюрократическим аппаратом социалистического государства, а наемные работники по-прежнему могли обеспечить свое существование, только продавая свое умение трудиться. Такая эксплуатация отторгнутых от объектов собственности наемных работников, как и прежде, обеспечивала получение максимально возможной прибыли партийно-бюрократическим аппаратом, при этом его избыточный уровень жизнедеятельности стал составлять уже порядка 93% ВВП, а уровень жизнедеятельности наемных рабочих снизился до 7% ВВП. Сущностью социалистического строя было то, что в ней наемные работники сами приходили в рабство, сами себя кормили, поили, одевали, сами заставляли себя работать, сами считали себя свободными от гнета капиталистов и им это все очень нравилось [18, С. 163-166].

Противоречие между заявленным радикальными марксистами общественным характером социалистических производственных отношений и монополистическим характером присвоения результатов общественного труда партийно-бюрократическим аппаратом привело в конце XX в. в России за неимением ничего другого к естественному возврату к капиталистическому способу производства. Однако новый российский постсоциалистический строй по сравнению с общепри-

нятым в мире капиталистическим устройством претерпел серьезные изменения. Острое желание новой предприимчивой части российского общества – бюрократического аппарата и вдруг появившихся российских капиталистов в максимально короткие сроки и безвозвратно обеспечить себе возможность получать максимальную прибыль заставило ее отказаться от старых, социалистических представлений о государственной (общенародной) собственности и перейти к ее новому представлению, введя одновременно по аналогии с капиталистическим миром частную собственность и по аналогии с ранее принятой в СССР социалистической схемой вместо государственной (общенародной) собственности, эффективно обеспечивающей интересы партийно-бюрократического аппарата, формы государственной и муниципальной собственности, которые, по сути, стали минимизировать риски этой предприимчивой части общества и создавать дополнительные благоприятные условия для максимизации получения ею прибыли. И здесь наемный работник может обеспечить свое существование, только продавая свое умение трудиться. Такая эксплуатация отторгнутых от объектов собственности наемных работников стала обеспечивать получение максимально возможной прибыли предприимчивой частью общества, при этом ее избыточный уровень жизнедеятельности достиг уже 96-97% ВВП, а уровень жизнедеятельности наемных рабочих стал составлять порядка 4-3% ВВП. Сущностью постсоциалистического строя в России стало то, что в ней работники сами приходят в рабство, сами себя кормят, поят, одевают, сами заставляют себя работать, при этом предприимчивая часть общества – бюрократия и российские капиталисты считают себя освободившимися от гнета партийно-бюрократического аппарата и им это все очень нравится [18, С. 166-171].

Стремление эксплуататоров-собственников во все времена обеспечить для себя возможность получать прибыль за счет большинства и сохранять без изменения свои позиции привело еще в древние времена к появлению государства [28, С. 13-15].

Блестящая научная идея о том, как обеспечить господство предприимчивой части

общества и демпфировать антагонистические противоречия, была оформлена великим Аристотелем (др. греч. *Ἀριστοτέλης*) (384-322 гг. до н.э.). Она легко просматривается, если представлять общество в виде совокупности людей, каким-то образом сочетающих при своем взаимодействии частные и общий интерес [14, С. 30]. С учетом этого естественно рассматривать тандем «человек – общество», в рамках которого частные интересы могут совпадать (рис. 1), могут не совпадать (рис. 2) и могут даже находиться в противоречии (рис. 3) с общественными интересами [14, С. 31-32].

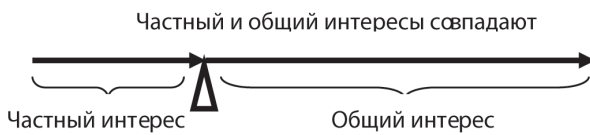

Рисунок 1 – Совпадающие интересы человека и общества

Рисунок 2 – Несовпадающие интересы человека и общества

Рисунок 3 – Противоречие интересов человека и общества

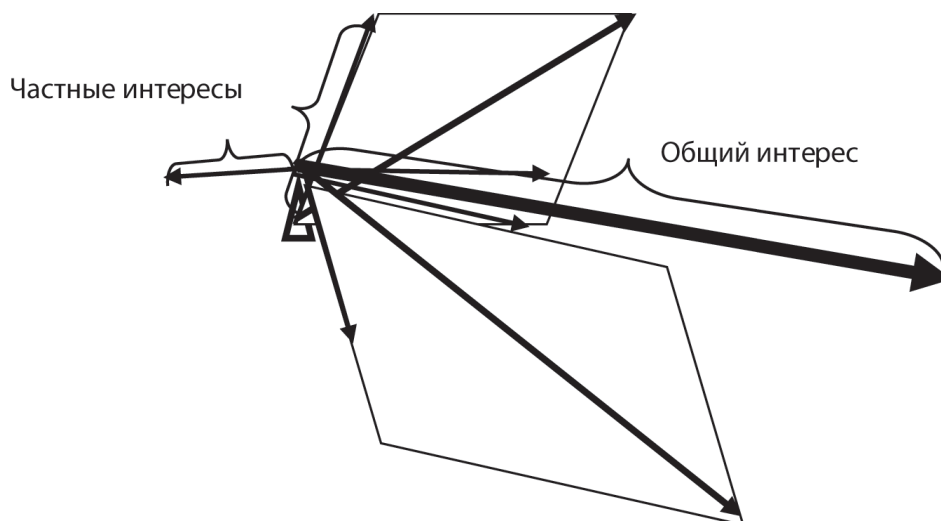

Рисунок 4 – Результирующая частных интересов, характеризующая общественный интерес

Нетрудно догадаться, что результирующая частных интересов, характеризующая общественный интерес, будет определяться множеством совпадающих, не совпадающих и даже противоречивых частных интересов людей, и в итоге определяет общий интерес всего общества (рис. 4).

Отсюда прямо следует, что общественный интерес всегда формировался и формируется на основе взаимных, подчас даже противоречивых частных человеческих интересов с результирующей, которая геометрически отображает результат взаимного сотрудничества его индивидов. В этом случае «гармоничное сочетание» общих и индивидуальных интересов в среднем приводит просто к «организованности» общества, которая обеспечивает создание материальных благ, необходимых для удовлетворения в рамках общего интереса жизненных потребностей такой совокупности людей [14, С. 32-33].

Действительно, история человеческого общества начиналась с образования семьи и семейных отношений, когда на смену беспорядочным половым связям пришел коллективный брак. Семьи группировались в рода (родовые общины), которые представляли собой объединение людей, основанное на кровном родстве, а также на общности имущества и труда. Род выступал как личный, а не территориальный союз, в котором люди находились не по признаку территории, а по родственным связям, концентрирующим их экономические, нравственные, религиозные и другие интересы. Роды перемещались с одной

территории на другую, но их общность при этом сохранялась. Соединяясь, они становились частью более крупного объединения – племени, а иногда и союза племен.

В семье, роде, племени, союзе племен использовались позволявшие выжить обычаи, которые входили в привычку в результате многократного применения в течение длительного времени и становились естественной жизненной потребностью людей. Эти обычаи:

- исходили от рода и выражали его волю и интересы;
- действовали в силу привычки, исполнялись добровольно, а в случае необходимости их соблюдение обеспечивалось всем родом, при этом к нарушителям обычаев применялось убеждение (внушение), а иногда и принуждение, которое исходило от всего рода или племени;
- не различались по правам и обязанностям: права воспринималось как обязанности, а обязанности как права [41, С. 35].

Обычаи приобретали правовой характер и становились правилами, позволяющими выжить, поскольку «регулировали», оставляя в заданных границах без изменения, труд, быт членов рода, семейные отношения, то есть, по сути, служили «регулятором общественных отношений». Многие из них одновременно являлись правилами первобытной морали и религии, были связаны с отправлением укоренившихся обрядов и ритуалов.

Если в таком обществе формировались две его части не просто с отличными (рис. 3),

а с диаметрально противоположными интересами, которые исключали построение результирующей, то возникало два сообщества (рис. 5).

В этом случае «гармоничное сочетание» интересов могло быть обеспечено лишь в каждой части самостоятельно, а обеспечение антагонистических интересов между этими частями становилось невозможным. Классическим литературным примером является несовместимые противоречия в Лилипутии по поводу того, с какой стороны разбивать вареное яйцо. Это разделило лилипутов на две противоположные, антагонистические части – остроконечников и тупоконечников и привело к появлению соответственно Лилипутии и Блефуску [37, С. 49-50]. Несовместимость интересов таких антагонистических групп в целом приводила к неминуемой дестабилизации общественной жизни, которая находила свое выражение, в том числе и в войнах.

Возможен, однако, и такой уникальный случай, когда частный интерес отдельного человека находится в полном противоречии с общественным интересом (рис. 6).

В этом случае говорили, что «человек идет не в ногу с обществом». Однако такие случаи имели и имеют место, когда у отдельного человека возникала идея о возможности, например, иного восприятия мира, что зачастую приводило к трагическим последствиям: достаточно вспомнить Джордано Бруно или Николая Коперника.

Безусловно, возможны и случаи, когда, например, незначительное по сравнению с обществом количество предприимчивых людей начинало обогащаться за счет большинства.

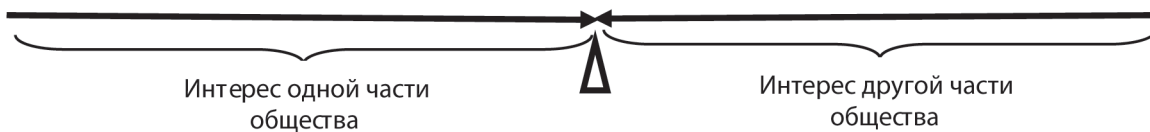

Рисунок 5 – Антагонистические противоречия, складывающиеся между сообществами

Рисунок 6 – Полное противоречие частного интереса отдельного человека общественному интересу

Возникала ситуация, связанная с их диаметрально противоположными (антагонистическими) интересами этой предприимчивой части общества с остальной большей его частью (рис. 7).

В этом случае в рамках общества сочетание таких антагонистических интересов стало требовать уже иной «организованности», которая должна была уже носить не обычный, а специальный характер и которую по этой причине стали называть «специальной организованностью» [14, С. 35].

Геометрический смысл такой «специальной организованности» состоит в том, чтобы уравновесить интересы малой, но весьма умной, талантливой, гениальной предприимчивой части общества, живущей, как правило, за счет большинства, и интересы другой, большей его части (рис. 8).

Такая «специальная организованность» общества и получила название «государство». Подтверждая это, В. И. Ленин отмечал: «По Марксу государство есть орган классового господства, орган угнетения одного класса другим, есть создание «порядка», который узаконяет и упрочивает это угнетение, умеряя столкновение классов» [26, С. 7].

По мнению Аристотеля, оно создавало все необходимые условия для получения максимально возможной прибыли предприимчивой частью общества за счет большинства и тем самым обеспечивало ее избыточную жизнедеятельность, к чему по понятным причинам могли

стремиться все, но естественно в таких условиях не всем суждено было достичь такой очевидной и желанной цели, поддерживало жизнедеятельность большинства с учетом его менталитета на уровне, достаточном для извлечения из него прибыли, и стабилизировало такую ситуацию в предположении, что после обогащения предприимчивой части общества должно сразу же наступить и всеобщее благоденствие [1].

У греков государство называлось *πόλις* и было, таким образом, тождественно с городом [19, С. 149]. Систематизируя в своем трактате «Политика» (от греч. *Πολιτικά* / *Politica* – наука, знание о том, как наилучшим образом организовать совместную жизнь людей в государстве) сложившиеся в его время взгляды на общественное устройство, Аристотель писал: «Государство – продукт естественного возникновения» [2, С. 378]. Этот же термин, но уже в XVI в., использовал и Н. Макьявелли (Макиавелли) (1469-1527 гг.), который свой трактат «*Principe*» («Государь») начинает фразой: «*Tutti gli stati, tutti i dominij che hanno avuto et hanno imperio sopra gli uomini, sono stati c sono c repubbliche o principati*» [19, С. 152], и совершенно сознательно употребил название «государство» (итал. *stato* от лат. *status* – стояние, состояние) для обозначения новой политической реальности ...» [36, С. 85-86]. И действительно, государство на практике во все времена реализовывало уникальное «гармоничное сочетание» антагонистических интересов, при этом создаваемые большинством материальные блага

Рисунок 7 – Антагонистические противоречия между предприимчивой частью общества с остальной большей его частью

Рисунок 8 – Сочетание антагонистических интересов предприимчивой части общества и большинства населения с помощью «специальной организованности» – государства

обеспечивали, как правило, весьма избыточные потребности предприимчивой части общества и минимальные потребности большинства.

Появившееся таким образом государство во все времена «специальными средствами подавления» обеспечивало интересы предприимчивой части общества. Отсюда делался научный вывод, что государство возникло, прежде всего, в силу «экономических причин»: общественного разделения труда, появления прибавочного продукта, а затем раскола общества на классы с противоположными антагонистическими экономическими интересами, что оно исторически преходящее, временное явление, которое возникло вместе с возникновением антагонистических классов, а потому так же неизбежно должно когда-то отмереть вместе с ними ...

Однако пока это время еще не пришло, происходило и происходит усилиями предприимчивых частей общества и нанятых ими для обеспечения их интересов наемных научных работников постоянное совершенствование «специальных организованностей» общества [14, С. 45-46].

Весьма перспективным вариантом совершенствования «специальных организованностей» общества стало «реформирование в рамках государства», которое постоянно используется в нашей стране. Обычно под реформированием предлагали понимать процесс «нововведений..., прогрессивных преобразований, связанных с известным шаг к лучшему» [4, С. 58]. Такая

дефиниция всегда ориентировала большинство на то, что «нововведения и прогрессивные преобразования» направлены на улучшение его благосостояния. Однако все «известные шаги к лучшему» всегда почему-то улучшали только положение предприимчивой части общества. Это классически обеспечивалось отсутствием указания в определении категории «реформировать» на то, в чьих же интересах эти «прогрессивные преобразования» производятся и когда они завершатся, что превращало в рамках государства реформирование в мощный инструмент достижения интересов только предприимчивой части общества, которая во все времена обеспечивала свою избыточную жизнедеятельность за счет большинства общества. Именно этот факт и позволяет говорить о реформировании как о новой «специальной организованности» общества с указанными выше функциями государства, обеспечивающей в целом только и только интересы его предприимчивой части, которая прошла ряд очевидных этапов.

Первый этап связан с выявлением предприимчивых людей и их групп, имеющих незначительно отличающиеся друг от друга интересы по своему обогащению, для эксплуатации большинства населения (рис. 9).

Второй этап направлен на реализацию объединения предприимчивых людей и их групп, имеющих незначительно отличающиеся друг от друга интересы по своему обогащению (рис. 10).

Рисунок 9 – Выявление предприимчивых людей и их групп, имеющих незначительно отличающиеся друг от друга интересы по своему обогащению, для эксплуатации большинства населения

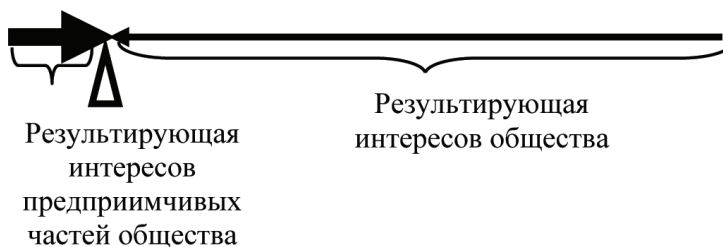

Рисунок 10 – Объединение предприимчивых людей и их групп, имеющих незначительно отличающиеся друг от друга интересы по своему обогащению

Наконец, третий этап направлен на формирование «специальной организованности» – «реформирование в рамках государства», обеспечивающей максимально возможные условия для эксплуатации большинства населения (рис. 11).

Последний известный вариант «специальной организованности» общества не менее гениально и изобретательно предприимчивая часть общества связала с понятием «глобализация», которая рассматривается как «процесс становления нового мирового порядка, как современный этап колонизации мира» (неоколониализм), который порабощает мир экономическими средствами, раскалывая его «на «золотой миллиард» и остальную часть человечества» [21, С. 10; 32, С.16-36]. Основу этого «золотого миллиарда» составляют «транснациональные компании» (ТНК), которые руководствуются только интересами получения максимальной прибыли и, выплачивая положенные налоги как законопослушные граждане в своей стране или в оффшорных зонах, в погоне за

рыночной прибылью в принципе не знают национальных границ. Создание такого нового «социально-экономического порядка», интегрирующего «национальные экономики (структуры, финансово-материальное состояние какой-либо отрасли хозяйственной деятельности [38, С. 749]) в единую глобальную экономику, у истоков которой стоят Международный валютный фонд (МВФ), Всемирная торговая организация (ВТО) и НАТО, приводит в явной форме к указанной «специальной организованности», которая позволяет предприимчивой части общества обогащаться не только за счет населения своей страны, но и за счет населения других стран (рис. 12).

Для обоснования «гармоничного сочетания» таких антагонистических интересов обеспечивающая интересы предприимчивой части общества гуманитарная наука выдвинула целый ряд теорий развития общества, обеспечивающих, прежде всего, на основе власти («права, силы и воли над чем-либо, свободы действий и распоряжений, начальствование» [7, С. 226]) его

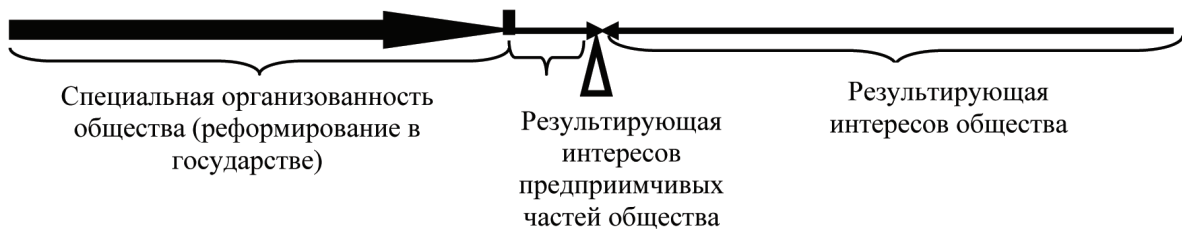

Рисунок 11 – Формирование «специальной организованности» – «реформирование в рамках государства», обеспечивающей максимально возможные условия для эксплуатации большинства населения

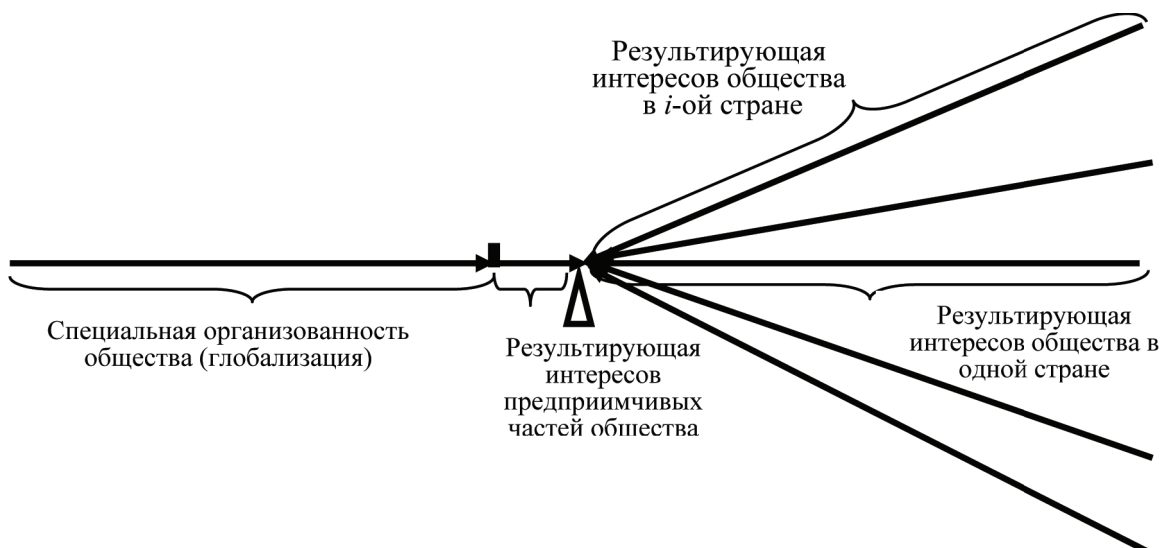

Рисунок 12 – Сочетание антагонистических интересов предприимчивой части общества и большинства населения разных стран с помощью «специальной организованности» – типа «глобализация»

«специальную организованность» – государство. К числу таких теорий в основном были отнесены теории возникновения государства: экономическая, естественно-правовая, органическая, психологическая и теория насилия, которые весьма подробно были проанализированы В. Н. Хропанюком [41, С. 37-45].

Кроме того, в рамках всех перечисленных «специальных организованностей» общества его предприимчивая часть наряду с силовыми мерами воздействия на большинство для сохранения установленного порядка в качестве характерного «специального средства подавления» большинства постоянно использовала запугивание людей, которое всегда являлось весьма эффективным инструментом влияния на них. В самой прямой форме такое «запугивание» заключается в уголовных наказаниях немногих, преступивших установленный в интересах предприимчивой части закон, предупреждая тем самым всех остальных членов общества от возможных нарушений [6].

В то же время, начиная с самых древних времен, и эксплуатируемые-несобственники постоянно делали попытки разрешить сложившиеся антагонистические противоречия с эксплуататорами-собственниками и обеспечивающими их интересы «специальными организованностями», прежде всего, силовыми способами [14, С. 31-35; 12, С. 269-270], а потому борьба эксплуатируемых несобственников с их эксплуататорами-собственниками имела место в любом из названных классовых обществ. Наиболее известный пример вооруженного выступления против рабовладельцев в Древнем Риме связан с именем Спартака (73 г. до н.э.); примером восстания против феодалов во Франции можно считать Жакерию (1358 г), название которой возникло от презрительной клички «Жак-простак», которую французские дворяне дали своим крестьянам, а в царской России памятными примерами является восстание под предводительством Наливайко Северина на Правобережной Украине (1594-1596 гг.), крестьянская война под руководством Болотникова Ивана Исаевича (1606-1607 гг.), крестьянская война во главе с Разиным Степаном Тимофеевичем (1667-1671 гг.); наиболее яркими примерами выступлений против капи-

талистов во Франции стали революция 1848 г. и пролетарская революция 18 марта 1871 г., в Германии – 1848 г., в царской России – первая русская революция 1905 г. и Октябрьская революция 1917 г.; известным примером выступления против партийно-бюрократического аппарата Советского государства являются события в Новочеркасске (1960 г.) и, наконец, примером стремящейся к власти оппозиции в рамках пост-социалистического сообщества могут служить события 2014 г., которые произошли в Москве на Болотной площади ...

Предпринимались так же и научные попытки разрешить уже с позиции эксплуатируемых сложившиеся антагонистические противоречия. Примером может служить первая половина XIX в., когда вся общественно-политическая мысль Европейского континента искала пути выхода из кризисного состояния европейского общества. Из сложившейся к тому времени аксиоматики общественных отношений, включающей в себя «собственность (присвоение), а также отношения обмена и распределения» [35, С. 8], были использованы только два принятые принципа общежития: «социального равенства» и «социальной справедливости», которые определяли фактически только отношение субъектов к самим этим общественным отношениям, в рамках которых обязанности всегда были абсолютны, права всегда относительны, при фактическом отсутствии ответственности, которая власть имущие во все времена с удовольствием брали на себя, но при этом, как правило, ни за что не отвечали. На этой аксиоматической основе они выступали «исходными положениями, основополагающими идеями, от которых нельзя отступить» [3, С. 588], для разработки различных способов переустройства капиталистического общества [12, С. 269-271].

Так социалисты-утописты и сторонники Л. Фейербаха (1804-1872 гг.), считали, что «социальное равенство» и «социальная справедливость» могут быть достигнуты через распространение в обществе добродетели, моральные усилия или через овладение людьми гуманистическими идеалами. Однако в условиях господства частной собственности и обеспечивающей ее «специальных организованностей»

общества такие идеи действительно были утопическими.

Другое научное направление переустройства капиталистического общества оказалось связано с последователями графа К.А. де Рувау, известного под именем Сен-Симон (1760-1825 гг.), и сторонниками оформившегося в 30-х годах XIX в. направления позитивизма, которые обосновывали возможность реализации идеи достижения «социального равенства» и «социальной справедливости» путем постепенного экономического, научного и технического прогресса. Однако в условиях господства частной собственности и обеспечивающей ее «специальных организованностей» общества «экономический, научный и технический прогресс» обеспечивал лишь увеличение богатства предприимчивой части общества и приводил к росту безработицы, нищеты и т. п. большинства населения.

Весьма схожим с позитивистами оказался вариант переустройства капиталистического общества социал-демократами реформистами, приверженцами идей Ф. Лассалья (1825-1864 гг.). Они полагали возможным создать общество «социального равенства» и «социальной справедливости» посредством экономических и политических реформ, путем завоевания пролетариатом всеобщего избирательного права и мирного, парламентского перехода государственной власти под контроль пролетариев. Однако вне сферы их внимания оказывался тот факт, что предприимчивая часть, используя ту же государственную власть, но под контролем пролетариев, сохранила незыблемой идею необходимости «специальной организованности» общества, реализующую те же, определенные еще Аристотелем функции, что естественно вновь приводило к росту ее богатства и обнищанию населения.

В отличие от позитивистов и социал-демократов реформистов анархисты – сторонники концепций П. Ж. Прудона (1809-1865 гг.) и М. А. Бакунина (1814-1876 гг.) предлагали уничтожить эксплуатацию и достичь «социальное равенство» и «социальную справедливость» путем ликвидации буржуазного государства – основного, как они считали, угнетателя народа. Однако вне их внимания оказался главный угнетатель – предприимчивая часть общества, кото-

рая уже в новом облике могла вновь создать и создавала аналогичную «специальную организованность» общества, реализующую определенные еще Аристотелем функции.

Наконец, радикальные социал-демократы сторонники К. Маркса и Ф. Энгельса отстаивали идею о создании общества пролетарского социализма (коммунизма), обеспечивающего «социальное равенство» и «социальную справедливость» путем пролетарской революции с целью завоевания государственной власти пролетариатом и его союзниками. Однако и здесь менялся только способ завоевания государственной власти: вне их внимания, также, как и раньше, оказалась предприимчивая часть общества, которая уже в новом облике создавала «специальную организованность» социалистического общества, реализующую определенные еще Аристотелем функции.

Упрочение положения собственников-эксплуататоров с помощью используемых на практике различных научно обоснованных вариантов «специальных организованностей» приводило к появлению в обществе радикалов. Можно предположить, что для них при наличии мощных и хорошо структурированных «специальных организованностей» общества, включающих силовые институты, постоянно воевать с предприимчивой частью общества за объекты собственности обычными способами становилось в принципе бесперспективно. Поэтому изменение положения между эксплуататорами и эксплуатируемыми вынуждено привело к новым формам ведения борьбы с ними.

Такой формой борьбы с эксплуататорами стал используемый ими же и основанный именно на запугивании терроризм.

Слово «террор» от лат. *terror* буквально означает «страх, ужас». Именно поэтому В.И. Даль, основываясь на опыте Французской революции, предлагал понимать под терроризмом «устраиванье, устрашение смертными казнями, убийствами и всеми ужасами неистовства» [10, С. 231].

Террор издревле использовался как специфический способ достижения поставленной цели.

Считается, например, что для прихода Александра Македонского (356-323 гг. до н.э.) к вла-

сти был осуществлен террористический акт в отношении его отца [25]. Такой же способ убийства императора Павла I был использован в России для вступления на престол императора Александра I.

Террор часто применялся так же и для решения религиозных и национальных вопросов. Так, одна из наиболее ранних террористических группировок – иудейская секта «сикариев» (кинжальщиков), действовавшая в Иудее в I в. н.э., практиковала убийства представителей еврейской знати, выступавших за мир с римлянами и обвинявшихся ими в отступничестве от религии и национальных интересов и «коллорабационизме» с римской властью. В качестве оружия сикарии использовали кинжал или короткий меч – «сику». Это были экстремистски настроенные националисты, возглавлявшие движение общественного протеста и настраивавшие низы против верхов и в этом отношении являющиеся прообразом современных радикальных террористических организаций. В действиях сикариев прослеживается сочетание религиозного фанатизма и политического терроризма: в мученичестве они видели нечто приносящее радость и верили, что после свержения ненавистного режима Господь явится своему народу и избавит их от мук и страданий [6].

В средние века терроризм превратился в средство тайной силовой борьбы с правящими династиями на обширном пространстве от Средиземного моря до Персидского залива. Значительных успехов в искусстве такой войны, диверсионной практики и насильственных средств достижения цели достигла секта «ассасинов» (хашашаинов, «едащих траву. Около 1090 г. Хасан ибн Саббах захватил в горной долине к северу от Хамадана (современный Иран) крепость Аламут, и затем в течение последующих полутора столетий сторонники и последователи Горного Старца, под именем которого вошел в историю основатель секты, опираясь на контролируемый район, лишали покоя многих правителей. Практически неуловимые, и от этого еще более устрашающие адепты секты, убили за период своей деятельности сотни халифов и султанов, военачальников и представителей официального духовенства, посеяв ужас во дворцах властителей [6].

Если, следуя В.И. Далю, понимать под целью «конечное желание, стремление, намерение, чего кто силится достигнуть» [10, С. 375], то становится понятным, что террористические акты всегда являлись результатом целенаправленных усилий:

а) «специальных организованностей» общества [6]:

- для запугивания большинства и создания в нем атмосферы страха;
- манипуляции сознанием населением для сохранения его целостности;
- переключения внимания общества с экономических и социальных проблем на проблему самосохранения;
- консолидации большинства за счет создания образа невидимого и опасного врага, с которым нужно вести непрерывную борьбу, ради которой общество согласится на ограничение прав и свобод, расширение полномочий спецслужб, создание новых спецслужб и ведомств и так далее, вплоть до военных операций в других странах, где по официальной версии скрываются террористы или их покровители;

б) террористов для изменения специфическими силовыми методами борьбы существующего строя.

Сегодня считается, что для Нового и Новейшего времени характерны четыре глобальные волны терроризма [6]:

- первая волна связана с распространением в 1880-х г. в России, Европе, а затем и Северной Америке революционных идеологий;
- вторая волна вызвана антиколониальным, национально-освободительным движением XX в.;
- третья волна имеет отношение к деятельности «новых левых» в 1970-е г.;
- четвертая волна связана с глобализацией, начавшейся в конце 1970-х и продолжающаяся до сих пор (в том числе и современный религиозный терроризм).

Изложенное показывает, что терроризм не есть нечто беспричинное или нечто коренящееся в каких-то дефектах человеческой биологической природы. Он выступает явлением социальным,

имеющим исторические корни в условиях социального бытия людей, которые стремятся применительно к интересам эксплуататоров сохранить, а применительно к интересам эксплуатируемых изменить положение в обществе [6].

В то же время следует упомянуть еще и о террористах-одиночках, к числу которых относят «сумасшедших, отчаявшихся, «расширенных» самоубийц, т.е. тех, кто решил уйти из жизни, захватив с собой побольше окружающих [6], в отношении которых, безусловно, должны использоваться силовые методы борьбы.

В настоящее время пытаются говорить о терроризме вообще, полностью игнорируя социальную сущность тех или иных террористических актов и тем самым скрывая социальную природу фактически постоянно происходящей специфической войны, для которой характерно чудовищное неравенство сил: с одной стороны предприимчивая часть и обеспечивающее ее интересы «специальные организованности» общества, а с другой стороны – террористы внешне ничем не выделяющиеся из общества, которые пытаются изменить сложившуюся ситуацию, используя весьма искаженные формы классовой борьбы [6].

В наше время «терроризм» стали представлять как «политику, основанную на систематическом применении террора» [31]. Это сразу же позволило провести его классификацию, исходя из характера субъекта террористической деятельности, на следующие виды [6]:

а) терроризм неорганизованный или индивидуальный (терроризм одиночек), в рамках которого теракт (реже, ряд терактов) совершает один-два человека, за которыми не стоит какая-либо организация (Дмитрий Каракозов, Вера Засулич, Равашоль, Тимоти Маквей и др.);

б) терроризм организованный, коллективный наиболее распространенный в современном мире, в рамках которого террористическая деятельность планируется и реализуется некой организацией (народовольцы, эсеры, ИРА, Аль-Каида, ИГИЛ и др.) и который по целенаправленности делится:

- на националистический, который преследует сепаратистские или национально-освободительные цели;

- религиозный, который может быть связан с борьбой приверженцев религии между собой (индуисты и мусульмане, мусульмане и иудеи) и внутри одной веры (католики-протестанты, сунниты-шииты), и преследует цель подорвать светскую власть и утвердить власть религиозную;
- идеологически заданный, социальный, иногда называемый революционным, который преследует цель коренного или частичного изменения экономической или политической системы страны, привлечения внимания общества к какой-либо острой проблеме (анархистский, эсеровский, фашистский, европейский «левый», экологический и др.);

в) терроризм оппозиционеров по отношению к власти;

г) терроризм властей;

д) государственный терроризм, означающий государственное насилие против гражданских лиц (незаконные задержания, убийства, похищения, пытки и казни граждан без суда и следствия, выполняемые сотрудниками силовых структур), террористические акты, совершаемые сотрудниками специальных органов государства, а также терроризм, поддерживаемый государством, когда само государство, не участвуя в терроризме, финансирует и поддерживает террористические группировки;

е) терроризм как направление государственной политики;

ё) терроризм, при котором адресатами терактов являются конкретные лица в силу личных действий или принадлежности к определенной группе или организации (русские цари и государственные сановники; Анвар Садат, Индира Ганди);

ж) терроризм массовый или слепой, в отношении случайных людей (взрывы в Оклахоме, Москве, Волгодонске, Санкт-Петербурге и т. п.);

з) терроризм уголовный;

и) терроризм левый, выросший из тираноборства, при котором под влиянием лево-радикальных взглядов образ тирана стал коллективным и начал ассоциироваться с широкими массами населения западных стран (встречается в странах Латинской Америки, Азии и

Африки и основывается на достаточно широком спектре идеологий (троцкизм, анархизм, маоизм, социализм, оригинальные местные учения);

к) терроризм правый, при котором террористическая деятельность базируется на ультраправой националистической идеологии;

л) международный терроризм, целью которого признается дезорганизация «государственного управления», а точнее «государственного правления», нанесение экономического и политического ущерба, нарушение реализующих хрематистику устоев сложившегося общественного устройства, которые должны побудить, по замыслу террористов, правительство к изменению политики.

Понятно, что такое деление терроризма является весьма условным, но определенное сходство можно найти во всех его видах ...

Рассматривая террор как «политику» следует, однако, помнить, что категория «политика» (от др. греч. «*Πολιτικά*») была введена еще великим древнегреческим ученым Аристотелем, который отождествлял ее с «искусством управлять полисом» [34], а точнее с «искусством править полисом». Формой реализации такого правления в социуме всегда выступала власть [29, С. 66-70], являющаяся формой «силового воздействия» на общество, формой «специального упорядочения сохранения без изменения его качественной специфики, а также одновременного его совершенствования и развития в этом избранном направлении», под которой понимается «право, сила и воля над чем-либо, свобода действий и распоряжений, начальствование» [7, С. 226]. В наше время под «политикой» стали понимать «деятельность государственной власти, партии или общественной группы в области внутригосударственных и внешних отношений, определяемую интересами этой власти, партии, группы» [30, С. 450]. Говоря другими словами, сегодня политика стала означать «способ завоевания, удержания и использования власти» [18, С. 542]. Это вполне согласуется с мнением Аристотеля, который считал, что именно государство обеспечивает «политическую справедливость», реализующую «порядок, установленный в политической организации, т. е. государстве», что она «создается законом и имеет место лишь

среди людей, по своей природе могущих жить в законе, а таковые суть те, у которых существует равенство во властвовании и подчинении» [22, С. 90-91]. Отсюда следует, что терроризм – это все-таки борьба за власть, завоевание которой, как считается, может помочь изменить ситуацию в обществе, а потому его вполне можно считать «одной из частных и искаженных форм проявления многоаспектной классовой борьбы» [6]. Аналогичного мнения придерживался и знаток русского языка В. И. Даль, который считал, что «радикал – это политик, требующий коренных преобразований в управлении ...» [9, С. 450].

Так, в последнем десятилетии XX в. и вплоть до 2017 г в России наблюдается закономерный рост, с одной стороны, богатства новой по сравнению с социалистическим периодом предприимчивой части общества – появившихся российских капиталистов и властвующей в стране бюрократии, а, с другой стороны, естественное ухудшение материального положения большинства населения, рост нищеты, безработицы, коррупции, казнокрадства, взяточничества и т. п., которые были существенно усилены свойственным капитализму экономическим кризисом, усугубленным, начиная с 2014 г., еще и зарубежными санкциями. Само собой разумеется, что компенсация указанного «капиталистического негатива», как это принято при реализации основанных только на частной собственности рыночных отношений, регулярно перекладывается на плечи населения страны. Последнее естественно приводит к разнообразным социальным конфликтам, которые по понятным причинам не улучшают положения в РФ [13, С. 5-13].

Именно большие и маленькие социальные конфликты можно считать той средой, на которой сегодня культивируется терроризм, направленный на изменение материального положения большинства населения путем выходящего за рамки понимания психически нормального человека «устрашения смертными казнями, убийствами и всеми ужасами неистовства» [10, С. 231] и зачастую сопровождаемый осознанной и неосознанной гибелью террористов. Поскольку его «совершенствование» происходит в рамках общественных отношений, в которые

К. Маркс, как уже отмечалось выше, включил «собственность (присвоение), т. е., по сути, отношение собственников и несобственников к объектам собственности¹ ... , а также отношение обмена и распределения» [35, С. 7-8], то естественно терроризм направлен на изменение указанных общественных отношений и, прежде всего, на изменение распределения объектов собственности.

Такой подход позволяет взглянуть на терроризм несколько с иной, чем это принято, стороны.

Так, действительно на первых этапах терроризм был направлен именно на изменение в государстве сложившегося распределения объектов собственности и реализовывался путем посягательства на жизнь или иной формой насилия над государственными деятелями, совершаемыми с политическими целями. Считалось, что физическое уничтожение таких лиц может привести к кардинальным изменениям в стране и широко приветствовалось и разделялось в тоталитарных государствах. В советское время, например, именами террористов, покушавшихся на государей царской России, назывались улицы в городах, а сами террористы воспринимались как герои, отдавшие свою жизнь за свободу народа, при этом террористов, покушающиеся на властвующую советскую бюрократию, позиционировали как преступников. Так, в частности, Фани Каплан, стрелявшую в 1918 г. во В. И. Ленина, в советское время считали преступницей и ищадием ада.

Следующим «качественным» этапом стал выход терроризма на мировую арену. Не изменив существа своих методов, международный терроризм направил свои усилия уже на убийство или иные посягательства на глав разных государств, глав их правительств, дипломатов и членов дипломатических представительств, на их похищение, угон самолетов с применением оружия и т.п.» с целью заставить изменить политику таких государств в отношении своей нации, под которой понимался «народ, племя, колено; однородцы, говорящие одним общим языком...» [8, С. 410].

Можно предположить, что со временем теоретики терроризма осознали, что в рамках

и конкретного государства, и на международном уровне убийства, похищения и т.п. отдельных политических деятелей в принципе не могут решить проблему воздействия на власть, поскольку ее существо никогда не менялось, и во все времена она, как уже отмечалось, представляла собой «право, силу и волю над чем, свободу действий и распоряжений, начальствование» [7, С. 226] с характерными для нее проявлениями персонификации, насильственного характера, с такими ее историческими стадиями, как интердикция (подавление, запрещение); инфлюация (влияние), в первую очередь в виде суггестии, т.е. внушения и т.п. К настоящему времени это нашло свое выражение:

1) в смене объектов терроризма: насилию, убийствам стали подвергаться не только государственные деятели, не только политики, но, прежде всего, ни в чем не повинные мирные люди, поскольку, как полагают террористы, именно они сами выбирают для себя достойную себе власть, а потому должны, по мнению идеологов терроризма, сами же принимать и действенные меры по ее смене, ибо, только устрешенный народ может заставить свою власть разрешить проблему распределения объектов собственности по справедливости;

2) установлении тесной связи терроризма с национальным вопросом – стремлением каждой нации обладать национальным суверенитетом, которое сегодня рассматривается как верховное, неотчуждаемое право нации на самоопределение, самостоятельное избрание той или иной формы своего национально-государственного устройства, решение вопросов политического, экономического, социально-культурного, национального и иного характера с учетом объективных исторических условий, прав и интересов наций и народностей;

3) изменении стратегии терроризма, ориентированной на лучшее расположение и употребление всех своих сил и средств;

4) изменении тактики, т.е. уменья располагать своими силами, противопоставившего мощи предприимчивой части общества и обеспечивающей ее интересы «специальной организованности» общества волю, силу и жизнь, не согласных с принятым порядком людей, с произведенным

¹ Вставлено Авт

разделом объектов собственности народов и отдельных людей.

Понятно, что основу всех социальных конфликтов и их крайнего выражения – терроризма составляет их единое материальное начало, которое по разным хрестоматическим схемам усилиями «специальных организованностей» общества, как уже отмечалось, всегда обеспечивало избыточную жизнедеятельность предприимчивой части общества, поддерживало жизнедеятельность большинства общества с учетом его менталитета на уровне, достаточном для извлечения из него предприимчивой частью прибыли, и стабилизировало такую ситуацию в предположении, что после обогащения предприимчивой части общества сразу же наступит всеобщее благоденствие [1]. Естественно, что такое единое материальное начало приобретает в рамках «специальных организованностей» правовую форму, когда оно становится обязательным для всех во времени, в пространстве и по кругу лиц, а потому, прежде всего, и обеспечивается соответствующими теориями права, которые, по мнению знатока русского языка В. И. Даля, представляют собой «умозрение, умозаключение; заключение, вывод из чего-либо, не по явлению на деле, а по выводам своим ...» [10, С. 229]. Это позволило, в частности, выдающемуся математику современности Д. Гильберту рассматривать любую теорию как своего рода модель, в основе которой лежат сущностные, определяемые реальной действительностью признаки. Отсюда следует, что используемые на современном этапе развития правового обеспечения упомянутых выше общественных отношений известные «теории государства и права», «теории права и государства», «общие теории права», «теории права», а также отдельные теории отраслей права представляют собой своего рода модели, гомоморфизм которых связан с выбором положенного в их основу сущностного признака – собственности, которую К. Маркс назвал «основой производственных отношений» и определил лишь как «отношение определенных лиц (собственников) к вещи, имуществу (вещам), материальным благам как к своим, как к принадлежащим им, и соответственно – отношение всех других лиц к указанным вещи, имуществу

(вещам), материальным благам как к чужим, не принадлежащим им» [27, С. 479]. Эти теории как модели всегда отображали именно стабильную направленность бытия и при этом исходили из априорного предположения о его стабильности, а потому в силу этого имели свои весьма узкие границы применимости. Априорное предположение о том, что закон изменения состояния объекта правления в обществе заранее известен (стабилен), делало обратную связь, без которой любое управление вообще в принципе невозможно, не нужной и легко объяснялось особенностью таких общественных процессов, необходимых для стабильного удовлетворения жизненных потребностей людей.

Стабильность бытия как таковая всегда была понятна обществу, поскольку неизменно легко увязывалась со смыслом и ценностью жизни людей, с проблемами их существования в мире, с самим человеком, его сущностью и предназначением и полностью определяла устойчивость правления, которое буквально означало «исполнять или совершать, соблюдая должное» [9, С. 307], т. е. не выходить за рамки того, что уже было, и имело форму власти, а потому обеспечивалась соответствующими силовыми и правовыми средствами.

Ситуация усугублялась еще и тем, что ученые правоведы, работая по найму в интересах предприимчивой части общества, преднамеренно изменяли общепринятое понимание различных терминов и давали им специфическую правовую трактовку, отличную от их общепринятого понимания. Так, в 1997 г. ныне покойный профессор Рахмилович В. А. и тогда еще кандидат, а ныне доктор юридических наук Чубаров В. В. в своих комментариях к ст. 209 Гражданского кодекса (ГК) РФ без ссылки на высказывания своих предшественников-цивилистов ввели следующее смысловое наполнение правомочий собственника:

а) владеть, т.е. реально обладать;

б) пользоваться, т.е. извлекать выгоду, для которой имущество предназначено;

в) распоряжаться, т. е. определять его юридическую судьбу: продавать, дарить, сдавать в аренду, отдавать в залог и т.п.»,

что принципиально изменило их сущность,

поскольку только правомочие «владеть» объектом собственности непосредственно связано с правом определять его юридическую судьбу, которая может меняться в результате купли-продажи, дарения, наследования и т.п., а правомочия несобственников вообще были оставлены без определения.

Кроме того, введение так называемых «вещных прав» привело к тому, что человек, например, одетый только в трусы, майку и носки, мог передать эти объекты третьему лицу, остаться полностью голым, но при этом все почему-то продолжали считать его одетым: ну, прямо как в сказке Г.Х. Андерсена «Голый король» ...

Тем не менее, надлежит отдать должное цивилистам прошлого, которые применительно к сложившимся тогда условиям обеспечения жизнедеятельности общества и его предпринимчивой части все-таки делали попытки как-то решать гражданско-правовые проблемы, хотя, на мой взгляд, им надо было просто разработать новую теорию права на базе новой аксиоматики, в основе которой должно было лежать не отношение субъектов права к праву, а общечеловеческие ценности, понятные и обществу, и его предпринимчивой части.

Следует отметить также, что в рамках используемой в настоящее время аксиоматики общественных отношений реализующие правление представители власти, как правило, не утруждают себя исполнением введенного ею же «общеправового принципа законности», который выражается «в требовании строгого и полного осуществления предписаний правовых норм всеми субъектами права» [41, С. 218] и законодательно закрепляется ч. 1 ст. 19 Конституции РФ, которая гласит: «Все равны перед законом и судом».

Так, например, в нарушение ч. 6 ст. 8 Федерального закона от 02.05.2006 N 59-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ» власть постоянно направляет со ссылкой на ту же ст. 8 указанного Федерального закона Жалобы на рассмотрение должностным лицам, чьи действия обжалуются. Казалось бы, что и сам Председатель Правительства РФ Медведев Д.А., закончивший юридический факультет Ленинградского государственного

университета им. А. А. Жданова, канд. юрид. наук, и его подчиненная – Министр образования и науки Васильева О.Ю., получившая образование в «Московском государственном институте культуры, Московском государственном заочном педагогическом институте и Дипломатической академии МИД России» и являющаяся «российским государственным деятелем, историком, религиоведом и педагогом, доктором исторических наук, профессором, действительным государственным советником РФ 2 класса, ... первой женщиной в истории России – министром образования, заведующей кафедрой государственно-конфессиональных отношений ИГСУ РАНХиГС, почетным профессором Московского государственного гуманитарно-экономического университета» [6], должны твердо знать, что нарушать указанный Федеральный закон на их высоком уровне не совсем этично, что такое неисполнение закона дискредитирует саму власть, поскольку нельзя требовать от других то, что не исполняешь сам.

Если хотите, то хитрость здесь состоит в том, что, например, полномочия Председателя Правительства РФ, определенные ст. 24 Федерального конституционного закона от 11 апреля 1997 N 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» (в ред. Федеральных конституционных законов от 31.12.1997 N 3-ФКЗ, от 19.06.2004 N 4-ФКЗ, от 03.11.2004 N 6-ФКЗ, от 01.06.2005 N 4-ФКЗ, от 30.01.2007 N 1-ФКЗ, от 02.03.2007 N 3-ФКЗ, от 25.12.2008 N 5-ФКЗ, от 30.12.2008 N 8-ФКЗ, от 29.01.2010 N 1-ФКЗ, от 22.07.2010 N 4-ФКЗ, от 28.12.2010 N 8-ФКЗ, от 03.12.2012 N 4-ФКЗ, от 07.05.2013 N 2-ФКЗ, от 07.05.2013 N 3-ФКЗ) [39], имеют весьма и весьма общий характер. Так, Председатель Правительства РФ, реализуя макрофункцию «править», не имеющую обратной связи:

- представляет Правительство РФ в РФ и за пределами территории РФ;
- ведет заседания Правительства РФ, обладая правом решающего голоса;
- подписывает акты Правительства РФ;
- представляет Президенту РФ предложения о структуре федеральных органов исполнительной власти, о назначении на должность и об освобождении от долж-

ности заместителей Председателя Правительства РФ и федеральных министров, о наложении на них дисциплинарных взысканий и об их поощрении;

- распределяет обязанности между членами Правительства РФ;
- систематически информирует Президента РФ о работе Правительства РФ.

В то же время само Правительство РФ под его непосредственным руководством, а значит и сам Председатель Правительства РФ, в соответствии со ст. 17 указанного ФКЗ должны «осуществлять меры по обеспечению законности, прав и свобод граждан, ... по борьбе с преступностью и другими общественно опасными явлениями». Однако оказавшиеся во власти лица, утомленные своими многочисленными и весьма общими полномочиями, как правило, делегируют свои обязанности специально нанятым работникам, которые, можно предположить, принимаются на работу не на основе их профессиональной компетенции, а по прошлой совместной с представителями власти работе, родственным с ними отношениями, по преданности руководителю, а иногда и просто по месту жительства, совпадающему с местом нахождения властных структур. Понятно, что такое делегирование полномочий, с одной стороны, безусловно, разгружает представителя власти при полном сохранении его заработной платы, а с другой стороны, позволяет использовать бюджетные деньги на оплату нанятых наемных работников для выполнения делегированных им обязанностей, которые уже один раз оплачены.

С учетом изложенного Жалоба на действия Министра образования и науки Васильевой О. Ю., направленная ее непосредственному начальнику Председателю Правительства РФ, была без всякого смущения переправлена со ссылкой все на ту же ст. 8 указанного Федерального закона Заместителем директора Департамента науки, высоких технологий и образования Правительства РФ Мартыненко А. [20], которому Председатель Правительства РФ, по всей видимости, делегировал свои полномочия по «осуществлению меры по обеспечению законности, прав и свобод граждан» опять на рассмотрение Министра образования и науки.

И так без конца ... Такое явно незаконное деяние создает в стране исключительно высокий уровень неопределенности, вызывает недоумение у граждан и полностью подрывает авторитет власти.

В виду безысходности сложившейся ситуации в нашей стране адвокаты-профессионалы в шутку предлагают обращаться по этому поводу непосредственно к Президенту США Трампу ...

Говорят, что сложившуюся с правом ситуацию в РФ сегодня можно оправдать в частности тем, что в послевоенное время, например, на юридические факультеты шли в основном те абитуриенты, которые не могли поступить в технические ВУЗы. И как писал классик: «Сегодня мы имеем то, что имеет нас». Эту трагическую ситуацию в юмористической форме зафиксировал М.И. Веллер, который написал, что в «триплогических, гуманитарных (ВУЗах)... знания сугубо условны и соображать не требуется» [5, С. 66], т. е., по сути, отсутствует логика, которую обычно студентам, например, юридических факультетов дают на первом курсе и которые потом ее просто забывают, за исключением разве что специалистов оперативно-розыскного направления, где логика присутствует в самих методах.

Становится понятным, что применительно к стабильным условиям бытия, обеспеченным теориями права со специфическим смысловым наполнением правовых понятий, отличных от общепринятых, которые, следуя логике правового обычая, должны были приобретать правовой характер тогда, когда они становятся обязательными для всех во времени в пространстве и по кругу лиц, и исполняться всеми членами общества без исключения, оказываются возможными только силовые методы борьбы с терроризмом.

Специалисты, исследующие проблему терроризма, выделяют две возможные стратегии силовой борьбы с терроризмом [6]:

- «консервативная» стратегия подразумевает частичные уступки требованиям террористов – выплату выкупа, территориальные и моральные уступки (например, признание ценностей, поддерживаемых террористами, признание лидеров терро-

ристов равноправными партнерами по переговорам и т. д.).

- «прогрессивная» стратегия означает безоговорочное уничтожение террористов и их сторонников, а также поощрение лиц, идущих на сотрудничество с «демократическими» государствами в их борьбе с террором, отказ от каких бы то ни было переговоров с террористами, отказ от заключения перемирий.

Примером реализации «консервативной» стратегии силовой борьбы с терроризмом являются переговоры премьера РФ В. С. Черномырдина с террористом Ш. Басаевым, которые при нападении чеченских террористов на Буденновск в свое время спасли немало жизней.

Практика использования «прогрессивной» стратегии позволила зафиксировать ряд силовых способов борьбы с терроризмом.

Так, реализуемый в настоящее время в ряде стран «военный» способ четко ориентирован на использование вооруженных сил других государств для сохранения политической власти в руках господствующей в стране предприимчивой части общества, удобной для государств, оказывающих такую военную помощь. Такой военный способ реализуется в трех случаях [18, С. 551]:

1) в результате «прямой» военной агрессии, когда с помощью военной силы или террористическими методами противником завоевывается, захватывается территория, территориальные воды страны и другие находящиеся на них объекты собственности, а обществу и его предприимчивой части навязывается принципиально иное мировоззрение нового собственника;

2) в результате «косвенной» агрессии, осуществляемой методом «культурного» сотрудничества, когда, не прикладывая явных военных усилий и не завоевывая территорию и территориальные воды, противник создает в стране эффект резонанса внутренних противоречий, приводящий к неопределенности и хаосу, и обществу и его предприимчивой части навязывается принципиально иная идеология, приводящая к смене представлений о собственности и самого собственника;

3) в результате рационального сочетания «косвенной» и «прямой» агрессии, когда обще-

ству и его предприимчивой части навязывается принципиально иное миропонимание.

Другой «ратный» метод был озвучен нашим Президентом РФ Путиным В. В., который дал российскому народу обещание «мочить террористов в сортире до полного умиротворения». Как показал исторический опыт «российский вариант мочения в сортире» так же не исключил террористические акты, а число невинных жертв продолжило расти. Позднее Президент РФ Путин В. В., что вызывает к нему особое уважение, всенародно признал его бесперспективным и полностью отказался от него. Применительно к чеченским войнам он четко заявил, что народ победить нельзя, поскольку «мораль (чеченского народа) плюс родовая спайка оказались страшной силой» [42].

Недостатки методов, используемых «прогрессивной» стратегией, заставили высшее руководство страны признать наличие целого комплекса проблем, включающих:

- 1) отсутствие в стране эффективной «системы государственной власти и управления»²;
- 2) объявленную терроризмом России войну;
- 3) необходимость укрепления государственных границ;
- 4) привлечение российского общества к активной борьбе с терроризмом.

Не трудно понять, что при всей остроте и важности проблемы терроризма, ее опасности и для власти, и для ни в чем не повинных людей такие воинствующие методы в целом нельзя признать результативными, поскольку даже оперативно намеченные «комплексные мероприятия» реагируют только на следствие, но никак не устраняют основной причины возникновения терроризма.

Практическая реализация «прогрессивной» стратегии показала, что проведение оперативно-розыскных мероприятий по поиску террори-

² По определению понятие «система» означает «совокупность взаимодействующих элементов»; власть представляет собой организационную структуру метода «править», лишенного обратной связи, и является всего лишь формой «правления», а «управление» основано на использовании принципа «обратной связи, без которой оно вообще невозможно, так что словосочетание «система государственной власти и управления» представляет собой набор слов, не позволяющий на практике сделать этот набор слов «эффективным».

стов, применяемые силовые методы вплоть до физического их уничтожения являются своего рода возмездием и могут в лучшем случае лишь частично снизить количество террористических актов, но никак не могут в принципе устранить терроризм, а значит и гибель людей. Если вспомнить третий закон Ньютона, который гласит: «Силы, с которыми два тела действуют друг на друга, равны по величине и противоположны по направлению», и приложить его к силовым структурам государства и террористам, то становится понятным, что всякое силовое взаимодействие как способ уничтожения терроризма вообще, по сути, перспективы не имеет, поскольку результатом такого их противодействия становится гибель как ни в чем не повинных людей, стоимость жизни каждого из которых ныне оценивается от миллиона до трех миллионов рублей, так и участников боевых действий с обеих сторон.

Однако в последнее время приоритет все больше и больше отдается именно «прогрессивной» стратегии. Так, председатель Конституционного суда РФ Зорькин В.Д. «призывает использовать принцип коллективного возмездия по отношению к семьям, этносам, конфессиональным группам террористов; ратует за применение любых видов пыток; выступает за то, чтобы существенно ограничить иммиграцию и права чужестранцев, в особенности выходцев из определенных регионов мира...» [6]. Однако и такие действия, связанные с устрашением уже террористов, перспективы, как показывает опыт, так же не имеют, поскольку они, как правило, сами отдают свои жизни при проведении террористических актов. Отсюда следует вывод, что проводимые силовые акции, включая выплаты из бюджета пострадавшим от террористического акта, которые связаны, по сути, с воздействием на следствие, а не на причины терроризма, все-таки обречены на неудачу.

Рассмотрение причин терроризма и акцент власть имущих только на использование «прогрессивной» стратегии силовой борьбы с ним позволяет предположить, что это связано с опасением власти за свое элитное положение, а потому именно боязнь господствующей элиты потерять свою власть, и приводит к объеди-

нению усилий власти разных стран в борьбе с терроризмом.

Подтверждением этому может служить проведенная 28 марта 2017 г. в Санкт-Петербурге «Парламентская конференция по борьбе с международным терроризмом», организаторами которой выступили Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств и Парламентская ассамблея Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе [33]. Ее участниками стали представители 52 стран мира.

Наиболее ярким, по мнению присутствующих, стало выступление Председателя Совета Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств, Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Матвиенко В. И., которая не стала определять, что такое терроризм вообще и международный терроризм в частности, но заявила, что его «причина – это отсутствие сплоченности в борьбе с международным терроризмом», а в качестве средства борьбы с ним определила «уголовную ответственность». Она смягчила позицию Зорькина В. Д. и возложила «компенсацию материального ущерба на родственников террористов», предложила ввести «уголовную ответственность за оправдание терроризма в *Internetе*, создать международную коалицию по борьбе с терроризмом и разработать эффективную международную правовую базу.

В целом все эти позиции уже были давно определены ст. 205 Уголовного Кодекса (УК) РФ, который предусматривает «за совершение взрыва, поджога или других действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинение значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угрозу совершения таких действий лишение свободы вплоть до пожизненного заключения в зависимости от обстоятельств», возлагает в рамках ст.205.1 УК РФ ответственность за «содействие террористической деятельности», а также в рамках ст.205.2 УК РФ – за «публичные призывы

к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма».

Выступление Матвиенко В. И. развил Муттонен Кристин – Председатель Парламентской ассамблеи Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, который предложил координировать сотрудничество в борьбе с терроризмом, идейно определять врагов, совершать упреждающие действия. С ним, безусловно, можно согласиться в том, что причиной терроризма является бедность, неисполнение правовых, этнических и религиозных принципов.

Аграмунт Педро – Председатель Парламентской ассамблеи Совета Европы глубоко убежден, что терроризм «разрушает наш жизненный уклад», и выделил 4 области действия терроризма:

- осуждение террористических действий;
- ответственность за любые оправдания терроризма;
- нет страху и ненависти;
- гуманитарные и демократические ценности,

по сути, не дав ни одной рекомендации по тому, как же бороться с терроризмом.

Приблизительно такой же уровень понимания проблемы силовой борьбы с терроризмом имел место и во всех остальных выступлениях участников «Парламентской конференции по борьбе с международным терроризмом».

Становится понятным, что терроризм как негативное, антивластное и антисоциальное явление себя изживет, если удастся каким-то образом, устранить его материально-правовые основы. Это вполне совпадает с мнением российского эксперта полковника Луценко В., который отмечал: «Искоренить терроризм можно, лишь уничтожив его питательную среду, то есть, улучшив уровень жизни в экономически депрессивных и социально отсталых регионах в первую очередь» [6].

Вопрос, как это сделать, приобретает особую остроту, поскольку издревле известные способы обеспечения жизнедеятельности так и не сумели дать на него ответ.

В настоящее время известны два направления обеспечения жизнедеятельности в обществе.

Основу первого направления применительно

к семье в рамках стабильного рабовладельческого общества составило введенное великим древнегреческим мыслителем Ксенофонтом (греч. *Ξενοφών*) (около 434-около 359 гг. до н.э.; по данным Энциклопедии *Britannica*: около 430 до н.э.-вскоре после 350 до н.э.) в его трактате «Домострой» (от греч. *Oikos* – дом, хозяйство) по своему греческому заглавию получившее понятие «экономика» – *Économique* (от греч. *oikos* – дом, хозяйство и от лат. *nomos* – правило), которое буквально означало «искусство ведения домашнего хозяйства» семьей. Такое искусство закреплялись правилами ведения домашнего хозяйства, которые и позволяли семье выживать [16, С. 46].

В основу второго направления обеспечения жизнедеятельности легло введенное другим великим древнегреческим мыслителем Аристотелем в его трактате «Политика» понятие «хрематистика», которое буквально означало «искусство наживать богатство и делать деньги» предприимчивыми людьми. В последующем по мере становления сложившейся цивилизации мировоззренческое различие между «экономикой» и «хрематистикой» было незаметно утрачено, и «искусство наживать богатство и делать деньги» предприимчивыми людьми за рубежом стали называть «политическая экономия», «экономикс», а в России – «экономикой». Кроме того, в настоящее время в РФ понятием «экономика» так же обозначают:

- «совокупность производственных отношений, экономический базис общества»;
- «народное хозяйство данной страны или его части, включающее соответствующие отрасли и виды производства»;
- «структуру финансово-материального состояния какой-либо отрасли хозяйственной деятельности» [15, С. 129–130; 17, С. 13].

Изложенное показывает, что третьим направлением, обеспечивающим жизнедеятельность и общества, и его предприимчивой части, может стать рациональным сочетание, но уже на уровне новой «специальной организованности» общества экономики по Ксенофону, распространенной на все общество, и хрематистики по Аристотелю, которое устранит материально-правовые основы таких негативных явлений

в обществе как нищета, безработица, коррупция, казнокрадство, взяточничество и т. п., и в том числе и терроризм [18].

Извечный русский вопрос «Что делать?», чтобы были устранены материально-правовые основы терроризма, может быть разрешен с использованием исторической аналогии.

В этом плане можно вспомнить блестящую идею императора Александра II, по повелению которого произошло заселение нынешней Чечни терскими и кубанскими казаками. Тесное «соседство» казачьих станиц и чеченских селений, проживающих на одной земле, ведущих бок обок хозяйство и участвующих в обмене объектами собственности, полностью исключило у них желание воевать друг с другом. Именно после этого акта Имам Шамиль отметил бесперспективность войны, длившейся на Кавказе более 30 лет.

Вооружившись этой замечательной идеей, сделаем попытку обеспечить непротиворечивое «соседство» введенных законодателем по аналогии с социалистическим способом производства форм собственности: «федеральной собственности», «собственности субъектов федерации» и «муниципальной собственности».

Если следовать мнению К. Маркса, что «собственность – это отношение определенных лиц (собственников) к вещи, имуществу (вещам), материальным благам как к своим, как к принадлежащим им, и соответственно – отношение всех других лиц к указанным вещи, имуществу (вещам), материальным благам как к чужим, не принадлежащим им» [27, С. 479], то это означает, что, например, в рамках «федеральной собственности» федерация как собственник относится к находящимся в ее собственности объектам как к своим, как принадлежащим ей, а все остальные – многонациональный народ РФ и каждый ее гражданин, а также субъекты РФ и муниципальные образования должны относиться к ним как к чужим, не принадлежащим им. В то же время «федеральная собственность», «собственность субъектов федерации» и «муниципальная собственность» законодательно признаны равноправными формами юридической надстроечной категории – права собственности, которое определяется только правомочиями

собственника «владеть, пользоваться и распоряжаться» в указанном выше смысле, равнозначного иным вещным правам, и используют при этом в качестве определяющего общего признака «обеспечение интересов большого количества людей, проживающих на конкретной территории» [23, п. 3 комментария к ст. 212]. Однако если еще раз вспомнить, что еще со времен Аристотеля «специальная организованность» общества – государство и его институты всегда обеспечивали только возможность для предприимчивой части общества извлекать на основе частной собственности прибыль из остальной большей его части, поддерживать жизнедеятельность большинства с учетом его менталитета на уровне, достаточном для извлечения из него прибыли, и стабилизировать такую ситуацию, то представление федерации, субъектов федерации и муниципальных образований в виде собственников полностью отторгает народ и каждого гражданина РФ, являющихся по смыслу фактическими собственниками достояния страны, от всех объектов собственности и открывает в общем случае для предприимчивой части дополнительную возможность для извлечения прибыли из остальной большей его части, а потому порождает неустрашимые классовые коллизии и их крайнее выражение – терроризм.

Появление «трехслойного пирога» из форм собственности на месте единого монолита бывшей «социалистической собственности», находившейся де-факто в монопольной собственности партийно-бюрократического аппарата и составлявшей основу социалистического способа производства, даже в условиях стабильной направленности постсоциалистической модели общественно-экономической формации поставило множество неустрашимых проблем, исключаящих непротиворечивое «соседство» таких форм собственности.

Исходной, определяющей мерой для оценки этой применимости здесь, прежде всего, следует считать соответствие экономического представления «государственной и муниципальной собственности» их правовому представлению, в рамках которого вообще не фиксируются, например, правомочия несобственников. Тогда вполне правомочно утверждать, что формы

«государственной и муниципальной собственности» в юридическом смысле не только должны позволять соответственно государству, субъектам федерации и муниципальным образованиям «владеть, пользоваться и распоряжаться» [23, ст. 209] объектами собственности как своими, но одновременно должны исключить возможность для всех других лиц «владеть, пользоваться и распоряжаться» ими, поскольку для них они являются чужими, не принадлежащими им [18, С. 99]. Становится ясно, что в таком представлении формы собственности и «экономические» интересы государства, субъектов федерации и муниципальных образований, составляющие, по сути, единое целое и предполагающие по действующему законодательству возможность «обеспечения интересов большого количества людей, проживающих на конкретной территории» [23, п. 3 комментария к ст. 212], оказываются коллизионными и фактически противопоставленными интересам этих людей.

Кроме того, указанный «трехслойный пирог» из введенных форм собственности, создавая видимость трехкратного возникновения права собственности у отдельных групп населения, проживающих на конкретной территории, на самом деле прикрывает факт «скрытого» присвоения социальными институтами различного уровня фактических прав собственника, создавая благодатную почву для коррупции, казнокрадства и взяточничества, поскольку общество по смыслу должно только делегировать этим социальным институтам правомочия пользоваться, т. е. извлекать полезные свойства из объектов собственности, и распоряжаться (управлять) ими, т. е. создавать условия для извлечения максимально полезных свойств из объектов собственности, но не «владеть» ими. Такое мнение прямо следует из ст. 2 Конституции РФ, в соответствии с которой «народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления» [24, п. 2 ст. 3]. Однако указанные социальные институты по-прежнему продолжают взимать с членов общества, которое по факту является действительным собственником объектов «государственной и муниципальной собственности», плату за пользование его

же «собственностью», оставив без внимания тот факт, что ни один собственник не берет с себя плату за пользование своей же «собственностью» [18, С. 165].

Отказ в условиях строящегося российского капитализма от необоснованного, неоправданного и противоречивого деления по аналогии с социалистическим способом производства на формы собственности и переход на основании ст. 244 ГК РФ к «общей собственности, круг участников которой законом не ограничен» полностью может устранить эту до сих пор не решенную проблему как таковую. В этом случае собственником такой уже «публичной» собственности следует признать все общество в целом и каждого его члена в отдельности как сособственника, но без выделения его доли. Поскольку право такой публичной собственности будет принадлежать всему народу, то по отношению к другим странам оно будет являться односубъектным, и все другие государства как несобственники автоматически обязаны будут воздерживаться от совершения каких бы то ни было действий, препятствующих собственнику в осуществлении по его усмотрению его права публичной собственности, а в случае совершения ими противоправных действий «защита Отечества» становится обоснованным правовым актом [18, С. 100].

Наличие граждан, выступающих в роли сособственников, определяет право их общей совместной собственности, при которой, помимо рассмотренных выше внешних отношений участников такой собственности со всеми другими странами, существуют также внутренние отношения между самими участниками этой публичной собственности, которые направлены на согласование их воли при осуществлении принадлежащих им правомочий по одновременной реализации права владеть, пользоваться и управлять (распоряжаться) общими вещью, имуществом (вещами), материальными благами, имущественными правами, а также возникающими при этом обязанностями и ответственностью.

С учетом изложенного можно утверждать, что в общем случае в меняющейся экономической-правовой среде «правовое управление»

объектами публичной собственности может быть реализовано только как замкнутое «правовое управление» ими, которое представляет собой основанное на принципе обратной связи выявление и изменение рассогласования между управляющим правовым воздействием и его результатом и направленное на эффективное пользование и управление (распоряжение) объектами публичной собственности для максимального наполнения бюджета страны, используемого в интересах и общества, и его предприимчивой части. Тогда, основываясь на праве публичной собственности можно говорить о замкнутом «правовом управлении» объектами публичной собственности на федеральном уровне, уровне субъектов федерации и муниципальном уровне, обеспечивая интересы всего населения и групп населения, включая и предприимчивую часть общества, проживающих на конкретной территории. При этом следует заметить, что такое замкнутое «правовое управление» объектами публичной собственности должно осуществляться только по поручению собственника – многонационального народа РФ и в его интересах, и в интересах предприимчивой части общества [18, С. 257].

Если рассматривать объекты публичной собственности как некоторый «имущественный комплекс», составляющий основу для предпринимательской деятельности общества, то по аналогии с органами управления юридических лиц и с этой стороны социальные институты государства превращаются в некоторый многоуровневый орган управления, осуществляющий, в том числе только пользование, и управление (распоряжение) этими объектами публичной собственности. Введение вместо «государственной и муниципальной собственности» такой публичной собственности с ее ярко выраженной социальной направленностью и включение ее в эффективный экономический оборот в интересах всего российского общества и его предприимчивой части с полным основанием позволяет говорить о ее конкурентоспособности по отношению к частной собственности, возможности более эффективного создания материальных благ для всего общества и каждого его члена, в том числе и для частных собственников. Дей-

ствительно, не только по отдельности, но и сообща как сособственники по аналогии с юридическими лицами российское общество вполне способно получить достойные материальные блага для обеспечения своей жизнедеятельности и защиты своего Отечества. Такой подход подтверждается мнением и Г. Дербурга [11, С. 82], и Й. Гедемана [40, S. 61-65, 80], которые связывали именно с «материальными благами» социальную составляющую частной собственности. Изложенное с полным основанием позволяет сделать вывод о том, что публичную собственность можно рассматривать как частную, участвующую в хозяйственном обороте и имеющую максимальную социальную составляющую, где все граждане выступают в роли сособственников, но без выделения доли каждого [18, С. 384].

Введение по законным основаниям вместо «трехслойного пирога» из форм собственности публичной собственности полностью устраняет материально-правовые основы терроризма. Действительно, каждый член российского общества как гражданин РФ независимо от национальной принадлежности становится сособственником на праве публичной собственности сособственником народного достояния без выделения его доли [18, С. 385].

Введение публичной собственности граждан РФ с ее ярко выраженной социальной направленностью позволит включить ее в эффективный экономический оборот для наполнения бюджета в интересах всех народов российского общества, включая и олигархов, и сделать ее конкурентоспособной по отношению к частной собственности с ее социальной направленностью в интересах всего и общества, и его предприимчивой части. Действительно, не только в частном порядке, но и сообща общество вполне способно получить достойные материальные блага для своей жизнедеятельности и своего производства, при этом к числу материальных благ следует отнести продукты питания, предметы одежды, домашнюю утварь, жилье и т. п.

Кроме того, в рамках социальной составляющей оптимальное соотношение публичной и частной собственности, обеспечивающее максимальное наполнение бюджета страны, оказывается в целевом плане более эффективным,

чем только частная или только публичная собственность. Особенно ярко их оптимальное сочетание проявляется при решении вопросов здравоохранения, обучения в государственных учебных заведениях, культурного досуга, строительства жилья и промышленных объектов, создания возможностей для пользования культурным и историческим достоянием общества, а также духовного, нравственного и физического развития каждого гражданина. Понятно, что содержание публичных материальных благ будет пополняться и расширяться усилиями публичной и частной собственности в зависимости от экономического уровня развития государства [18, С. 385].

Отсюда следует, что предложенная публичная собственность как юридическая надстроечная категория вместе с частной собственностью однозначно устанавливает право владеть, пользоваться и управлять (распоряжаться) вещью, имуществом (вещами), материальными благами всего общества, при этом всем остальным права владеть, пользоваться и распоряжаться этими вещью, имуществом (вещами), материальными благами не принадлежат, что в полной мере корреспондирует с экономическим представлением отношения публичной совместной собственности граждан, устанавливающей отношение многонационального общества к вещи, имуществу (вещам), материальным благам как к своим, а всех остальных к ним как к чужим.

Используя эту рациональную идею о праве публичной собственности, рассмотрим его перспективы, исходя из экономического представления собственности. Тогда право публичной собственности, вытекающее из экономического представления собственности как отношения всего многонационального населения страны к вещи, имуществу (вещам), материальным благам как к своим, общим, служащим общим интересам, и соответственно отношения всех других лиц к ним как к чужим, может быть эффективно реализовано посредством взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных обязательств с возникновением ответственности у соответствующих должностных лиц перед обществом без противоестественного деления публичной собственности граждан на

формы по территориальному признаку.

Именно посредством этой совокупности взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных обязательств с возникновением ответственности у соответствующих должностных лиц перед обществом и будет обеспечиваться пользование и управление (распоряжение) объектами публичной собственности социальными институтами соответственно государства, субъектов федерации и муниципальных образований. Это придаст после законодательного признания публичной собственности проблеме пользования и управления (распоряжения) объектами права публичной собственности ясный смысл: он состоит в праве собственника публичной собственности – многонационального народа владеть, пользоваться и распоряжаться объектами права публичной собственности, при этом всем остальным право владеть, пользоваться и распоряжаться (управлять) этими вещью, имуществом (вещами), материальными благами не принадлежат.

Здесь следует еще раз подчеркнуть, что социальные институты государства, субъектов Федерации и муниципальных образований реализуют без права владеть, которое принадлежит народу и позволяет «менять юридическую судьбу» объекта публичной собственности, только эффективное пользование и управление (распоряжение) объектами публичной собственности, в основе которого лежит возможность эффективно в интересах всего общества пользоваться и распоряжаться вещью, имуществом (вещами), материальными благами. Тогда взимание платы с собственника – народа – за пользование принадлежащими ему на праве публичной собственности вещью, имуществом (вещами), материальными благами станет незаконным.

В то же время за публичную собственность граждан каждый член общества обязан платить дифференцированный налог со своих доходов по схеме выплаты частным собственником налога за объекты права своей частной собственности за исключением не облагаемых налогом объектов права частной собственности, соответствующих минимальному, но достойному обеспечению жизнедеятельности человека и его воспроизводства.

Последнее определяет необходимость рассмотрения и внутренней структуры публичной собственности, устанавливающей отношения между публичными собственниками – гражданами РФ. Как видно, речь здесь, безусловно, идет об общей совместной собственности, когда право собственности на публичную вещь, имущество (вещи), материальные блага принадлежит всем членам общества, так называемым сосособственникам. В этом случае помимо рассмотренных выше внешних отношений участников общей совместной собственности со всеми третьими лицами существуют также внутренние отношения между самими участниками этой собственности, направленные на согласование воли сосособственников при осуществлении принадлежащих им правомочий по одновременному владению, пользованию и распоряжению общим имуществом.

В общей совместной собственности право каждого сосособственника не ограничивается какой-то конкретной частью общего имущества, а распространяется на все имущество, в том числе и на доходы, которые имущество приносит, и падающие на него обременения. Общая совместная собственность на имущество может возникнуть независимо от того, относится ли оно к неделимому имуществу, к имуществу, не подлежащему разделу в силу закона, или к делимому. Для имущества, которое нельзя разделить, не изменив его назначения, или нельзя разделить в силу закона, общая совместная собственность на него возникает вследствие присущих имуществу функциональных свойств или его правового порядка. Для делимого имущества общая совместная собственность на него возникает лишь в случаях, предусмотренных законом или договором. Наиболее характерными признаками, присущими публичной совместной собственности граждан, независимо от оснований ее возникновения являются следующие:

- является многосубъектной;
- предметом служит одно и то же имущество, относящееся к общему;
- в публичной собственности граждан наряду с внешними отношениями сосособственников со всеми третьими лицами существуют также и внутренние отношения между самими сосособственниками.

Право публичной собственности может выступать только в форме общей совместной собственности. С учетом этого одновременная реализация права владеть, пользоваться и распоряжаться может осуществляться только по априорному согласию всех ее участников, если иное не предусмотрено соглашением между ними. Общность имущества здесь в силу ее публичного характера должна выражаться без явного определения долей и определяться строгим кругом сосособственников, в качестве которых могут выступать только граждане РФ. Поскольку в соответствии с п. 1 ст. 3 Конституции РФ единственным источником власти является весь народ России, а «государственная и муниципальная формы собственности» имеют ярко выраженную социальную направленность, то, безусловно, можно говорить о публичной собственности граждан, создающей материальную основу для их объединения в одно единое целое, придает этому понятию целостные черты и не противоречит экономическому представлению отношений собственности. Это превращает чеченца в сосособственника, например, якутских алмазов, жителя Москвы – в сосособственника богатейшей грозненской нефти, жителя Санкт-Петербурга – в сосособственника природных богатств Крыма и т. д., и т. п., а, значит, позволяет гражданам РФ за счет невыделенной доли рождаться, бесплатно посещать детские сады, бесплатно получать начальное, среднее и высшее образование, бесплатно получать медицинское обслуживание, иметь обеспеченную старость, льготы по инвалидности и т. д., и т. п., которые примут правовой характер, когда они станут обязательными для всех граждан РФ во времени, в пространстве и по кругу лиц. В этих условиях террористические методы действительно теряют свой смысл, поскольку невыделенная доля любого гражданина будет обеспечивать каждому достойную жизнь.

Таким образом, проблема терроризма может быть успешно и бескровно разрешена путем введения на основе действующего законодательства и практического использования публичной собственности, которая внешне связана с правом общества владеть, пользоваться и управлять (распоряжаться) ее объектами в целом,

исключающим по этой причине возможность для всех других владеть, пользоваться и распоряжаться этими объектами, а внутренне – с правом каждого гражданина владеть, пользоваться и управлять (распоряжаться) ее объектами без выделения его доли.

Список литературы

1. *Аристотель*. Политика Аристотеля / Аристотель. – М., 1911. – 466 с.
2. *Аристотель*. Сочинения в 4 т. Т. 4 – М., 1984.
3. Большая советская энциклопедия: в 30 т. – 3-е изд. – М.: изд-во «Советская энциклопедия», 1975. – Т. 20. – 607 с.
4. Большая советская энциклопедия: в 30 т. – 3-е изд. – М.: изд-во «Советская энциклопедия», 1975. – Т. 22. – 627 с.
5. *Веллер М. И.* Легенды Невского проспекта. – Санкт-Петербург: «Объединенный капитал», 1997. – 304 с.
6. Википедия.
7. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – Т. 1. – 640 с.
8. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – Т. 2. – 672 с.
9. *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – Т. 3. – 576 с.
10. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – Т. 4. – 576 с.
11. *Дернбург Г.* Пандекты. Т. 2. Вещное право. 6-ое испр. издание. – СПб. 1905. – 364 с.
12. *Домаков В. В.* Теория права на основе сущностного признака – собственности. – СПб.: Изд-во «Стратегия будущего», 2014. – 283 с.
13. *Домаков В. В.* Теория права на основе сущностного признака – собственности. 2-е изд. доп. – СПб.: Изд-во «Стратегия будущего», 2017. – 328 с.
14. *Домаков В. В.* Философские аспекты управления социально-экономической сферы в меняющихся условиях хозяйствования. – СПб.: Изд-во «Стратегия будущего», 2012. – 301 с.
15. *Домаков В. В.* Экономико-хрематистическая теория обеспечения жизнедеятельности общества и его предприимчивой части в моделях социально-экономической сферы / Книга 1. Моделирование, аксиоматика и методы обеспечения жизнедеятельности общества и его предприимчивой части. – СПб.: Изд-во «Стратегия будущего», 2010. – 173 с.
16. *Домаков В. В.* Экономико-хрематистическая теория обеспечения жизнедеятельности общества и его предприимчивой части в моделях социально-экономической сферы. / Книга 2. Экономика как искусство обеспечения жизнедеятельности семьи и жизнедеятельности афинских граждан за счет рабовладельческого государства. – СПб.: Изд-во Стратегия будущего, 2011. – 114 с.
17. *Домаков В. В.* Экономико-хрематистическая теория обеспечения жизнедеятельности общества и его предприимчивой части в моделях социально-экономической сферы / Книга 3. Хрематистика как искусство обеспечения жизнедеятельности в классовых обществах. Часть 1. – СПб.: Изд-во «Стратегия будущего», 2013. – 287 с.
18. *Домаков В. В.* Экономико-хрематистическая теория обеспечения жизнедеятельности общества и его предприимчивой части в моделях социально-экономической сферы / Книга 4. Экономико-хрематистическая доктрина обеспечения жизнедеятельности и общества, и его предприимчивой части в эволюционной модели социально-экономической сферы и ее правовое обеспечение. – СПб.: Изд-во «Стратегия будущего», 2016. – 617 с.
19. *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. – 752 с.
20. Исх. Аппарта Правительства Российской Федерации № П8-20716 от 18.04.2017.
21. *Кефели И. Ф.* Судьба России в глобальной геополитике. – СПб.: «Северная звезда», 2004. – 286 с.
22. *Кечекьян С. Ф.* Учение Аристотеля о государстве и праве. – М-Л.: изд-во АН СССР, 1947. – 222 с.
23. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный); рук. автор. кол-ва и отв. ред. д-р юрид. наук, проф. О. Н. Садилов. – М.: Юридическая фирма КОНТРАКТ; ИНФРА-М, 1997. – ХХП. – 778 с.

24. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993: офиц. текст. (с изм. и доп. от 9 января 1996 N 2025; от 10 февраля 1996 N 173; от 9 июня 2001 N 679; от 25 июля 2003 N 841.). – М.: Юридическая литература, 1994. – 58 с.
25. *Королев А. А.* Террор и терроризм в психологическом и идеологическом измерении: история и современность. – М.: Московский гуманитарный университет, 2008.
26. *Ленин В. И.* Государство и революция / Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 33. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1974. – 433 с.
27. *Маркс К.* Глава о капитале / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. – Т. 46, ч. 1. – М.: Госполитиздат, 1968. – 559 с.
28. *Матвеев А. В., Матвеев В. В.* Концептуальные основы обеспечения национальной безопасности России // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2014. – № 1(5). – с. 3-20.
29. *Матвеев В. В.* Теория управления. Учебное пособие. – СПб.: Некоммерческое партнерство «Центр молодежных программ «Стратегия будущего», 2006. – 290 с.
30. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка: Около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / Под ред. проф. Л. И Скворцова. 27-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2013. – 736 с.
31. Oxford English Dictionary Second Edition 1989. Second general definition of terrorism: «A policy intended to strike with terror those against whom it is adopted; the employment of methods of intimidation; the fact of terrorizing or condition of being terrorized»; Online Etymology Dictionary. Etymonline.com (20 октября 1979).
32. *Панарин А. С.* Постмодернизм и глобализация: проект освобождения собственников от социальных и национальных обязательств // Вопросы философии. 2003. № 6. – С. 16 – 36.
33. Парламентской конференции по борьбе с международным терроризмом. Программа. – Санкт-Петербург, Таврический дворец, Думский зал, 28.03.2017. – 7 с.
34. *Платон, Аристотель.* Политика. Наука об управлении государством. – М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – 864 с.
35. Политическая экономия. Учеб. пособие для школ марксизма-ленинизма [руковод. авт. колл. А. Н. Малофеева, Ю. В. Яковец] – М.: Изд-во Политической литературы, 1967. – 367 с.
36. *Савельева И. М., Полетаев А. В.* Знание о прошлом: теория и история: В 2 т. – СПб.: Наука, 2003 – Т. 1: Конструирование прошлого. – 2003. – 632 с.
37. *Свифт Дж.* Путешествия Гулливера. – Минск: Государственное издательство БССР, Редакция детской литературы. 1954. – 151 с.
38. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР Ин-т рус. яз.: Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. Т. 4. С – Я. – М.: Русский язык, 1981 – 1984.
39. Федеральный конституционный закон от 11 апреля 1997 N 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» (в ред. Федеральных конституционных законов от 31.12.1997 N 3-ФКЗ, от 19.06.2004 N 4-ФКЗ, от 03.11.2004 N 6-ФКЗ, от 01.06.2005 N 4-ФКЗ, от 30.01.2007 N 1-ФКЗ, от 02.03.2007 N 3-ФКЗ, от 25.12.2008 N 5-ФКЗ, от 30.12.2008 N 8-ФКЗ, от 29.01.2010 N 1-ФКЗ, от 22.07.2010 N 4-ФКЗ, от 28.12.2010 N 8-ФКЗ, от 03.12.2012 N 4-ФКЗ, от 07.05.2013 N 2-ФКЗ, от 07.05.2013 N 3-ФКЗ).
40. *Hedemann J. W.* Sachenrecht des burgerlichen Gesetzbuches, 1924.
41. *Хропанюк В. Н.* Теория государства и права. 2-е изд., дополненное, исправленное / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста РФ В. Г. Стрекозова. – М.: изд. «Интерстиль», 1997. – 377 с.
42. *Эрлихман В.* Выступление Владимира Путина по Чечне // «Еженедельник Собеседник» от 10.07.03. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.sobesednik.ru/weekly/152/always/4194.phtml>).